

Ю. Жуковский

**Политические и общественные теории XVI-го
века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ю11

Ю11 **Ю. Жуковский**
Политические и общественные теории XVI-го века / Ю. Жуковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 171 с.

ISBN 978-5-4241-5705-9

ISBN 978-5-4241-5705-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

JA 83
Z 46

Типография А. Головачева.
Вознесенский проспект, д. № 81.

Бѣдность нашей литературы сочиненіями касающимися общественныхъ вопросовъ, и неудовлетворительность въ этомъ отношеніи сочиненій иностранныхъ, заставила меня давно думать объ изданіи такого элементарнаго сочиненія, которое представило бы въ связномъ видѣ результаты отдѣльныхъ изслѣдованій, касавшихся общественной жизни, изслѣдованій, раздѣленныхъ до сихъ поръ между нѣсколькими отдѣльными науками, мало знающими другъ друга, но тѣмъ не менѣе имѣющими въ сущности одну и ту же цѣль изученія человѣческаго общества и его законовъ. Свести всю эту разностороннюю разработку со стороны юридическихъ, политическихъ, экономическихъ и социальныхъ писателей къ одному итогу и черезъ то способствовать образованію общей социальной науки, (соціологіи) — вотъ задача о которой я имѣлъ смѣлость когда-то мечтать.

Задача эта оказалась однако слишкомъ трудна и обширна для того, чтобы можно было надѣяться выполнить

ее сразу. Я полагалъ подготовить предварительно необходимый матеріалъ въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ, которыя впоследствии могли служить основаніемъ для изданія желаннаго цѣлаго сочиненія объ обществѣ. Въ этихъ видахъ, пять лѣтъ тому назадъ началъ я работать надъ разными вопросами, касающимися теоріи права и общества и исторіи общественныхъ и политическихъ системъ. И съ этой цѣлью былъ написанъ, между прочимъ, прежде всего очеркъ политическихъ и общественныхъ теорій въ XVI вѣкѣ.

Тогда я полагалъ, что трудъ этотъ будетъ служить лишь началомъ цѣлага ряда подобныхъ изслѣдованій. Между тѣмъ выполненіе моей мысли и въ этой формѣ встрѣтило существенныя затрудненія, въ виду которыхъ я рѣшился подъ общимъ заглавіемъ матеріаловъ для науки общества, издать по крайней мѣрѣ: 1) немногія собственныя труды по этой части, 2) издать въ русскомъ переводѣ тѣ изъ сочиненій иностранныхъ, которыя по моему мнѣнію могутъ способствовать утвержденію въ читателѣ здравыхъ и ясныхъ взглядовъ на различныя формы общественной науки и сколько нибудь пополнить недостатокъ связанныхъ сочиненій объ обществѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕОРІИ

ВЪ XVI ВѢКѢ.

ГЛАВА I.

Шаткость современнаго положенія философіи права.—Идеализмъ и его результаты.—Реальныя требованія времени. — Что можно еще разумѣть теперь подъ философіей права, и въ какомъ смыслѣ можетъ быть разрабатываема ея исторія.—Общій характеръ XVI вѣка, значеніе его въ исторіи общественныхъ понятій и ничтожная роль, придаваемая ему обыкновенно въ исторіи философіи права нѣмецкими писателями.

Разработка исторіи философіи права, которую привыкъ встрѣчать учащійся въ обыкновенныхъ сочиненіяхъ этого рода, пребываетъ до сихъ поръ на почвѣ идеализма. Правда недвѣріе въ идеалистическому методу изслѣдованія не новостъ и насмѣшка надъ метафизикой также: «Quand celui à qui l'on parle ne comprend pas et celui qui parle ne se comprend plus, c'est de la métaphysique», — вотъ какъ опредѣлялъ эту метафизику Вольтеръ. А между тѣмъ строки эти были написаны наканунѣ безпримѣрнаго развитія идеализма

въ евронеиской наукѣ и затѣмъ мы были свидѣтелями всеобщаго увлеченія въ наукѣ метафизическимъ методомъ. Въ концѣ этого длиннаго періода нѣмецкое умозрѣніе должно было придти въ сознанію недостаточности своихъ построеній; а между тѣмъ, судя по тѣмъ направленіямъ, въ которыя кидалась разработка права послѣ недавнихъ трансцендентальныхъ системъ, судя по тому положенію, въ которомъ находится эта разработка въ настоящее время; врядъ ли можно сказать, чтобы она считала умозрительное направленіе вполне исчерпаннымъ и сознавала ясно его несостоятельность. Еще недавно вѣдь, въ половинѣ XIX вѣка являлись послѣдователи Фомы Аквината. Блунчли, строя организмъ государства и уподобляя его животному, сравнивалъ уголовный судъ съ пупкомъ; Р. Моль называлъ семью *verstaerkte Persönlichkeit*; Игерингъ отыскивалъ законъ юридической красоты и т. д. *). Правда, толкъ о связи науки съ жизнію довольно старъ здѣсь, и жалобы на отторженность естественнаго права или философіи отъ положительнаго также не новостъ; а между тѣмъ стоитъ взглянуть на современное положеніе той науки, которая обзрѣваетъ всю сферу законовѣдѣнія, чтобы понять, какъ мало связи между отдѣльными частями этой сферы, и какъ мало сдѣлано еще вообще для этой связи. Общему взгляду представляется здѣсь обширный историческій матеріалъ въ исторіи положительнаго права и исторіи юридическаго умозрѣнія, но между тѣмъ и другимъ нѣтъ и подозрѣнія какого либо единства—въ этомъ сознаются самые строгіе приверженцы научной рутинѣ **). Отсюда можно судить, какія основныя понятія о правѣ можетъ получать здѣсь прежде всего учащійся. Дѣйствительно, мы не знаемъ ничего шатче и непослѣдовательнѣе этихъ элементар-

*) R. Moll *Gesch. u. Lit. d. Staatswiss.* I, 253, 259, 89. В. Ihering. *Gesch. d. Roem. R.* II. 2te Abtheil. Lcip. 1858.

**) См. «Юридическія Записки», изданныя Рѣденымъ, т. 4. «Обзоръ Литературы по Энциклопедическому Законовѣдѣнію».

ныхъ знаній, и эта шаткость поневолѣ будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ приданъ вполне реальный характеръ изслѣдованію вопросовъ естественнаго права и его исторіи. Между тѣмъ здѣсь, какъ нарочно, самая историческая разработка держалась наиболѣе неблагодарной и мертвой дѣроги. Исторія положительнаго права имѣла дѣло съ одними законами, исторія понятій ограничивала свои рассказы одними школьными доктринами, упуская почти вовсе изъ виду тѣхъ писателей, которые были настоящими проводниками жизненныхъ идей и служили настоящей связью между самой практикой событій и школьнымъ умозрѣніемъ, бравшимъ черезъ нихъ болѣею частію свои краски и свое настоящее содержаніе. При помощи такихъ-то писателей, мы надѣемся въ настоящемъ случаѣ дать, въ глазахъ читателя, значеніе цѣлому столѣтію, пропадавшему до сихъ поръ почти вовсе въ исторію юридическихъ теорій и показать настоящее ближайшее зарожденіе въ жизни идей, которыя стали только гораздо позже школьнымъ достояніемъ. Въ этомъ смыслѣ исторія развитія общественныхъ понятій пройденная за все свое время, можетъ показать только, конечно, всю необходимость реального направленія въ ученой разработкѣ предмета, который былъ лишенъ ея почти вовсе. Но пока разработка права остается вся въ сферѣ идеализма. Среди такого довѣрія здѣсь къ идеализму, мы поставлены въ необходимость высказать поневолѣ предварительно нѣсколько мыслей о томъ, что можно разумѣть еще въ настоящее время подъ философіею права, какое значеніе здѣсь можетъ еще приписываться чистому умозрѣнію и этимъ дать заранѣе опору тому направленію, которое встрѣтитъ читатель въ слѣдующемъ историческомъ обзорѣ.

Вглядимся въ природу идеализма, какъ она рисуется въ послѣднихъ его результатахъ, и посмотримъ, чего можетъ еще ждать отъ него наука.

Чистая мысль, стремясь обнять міръ фактовъ, ставитъ сво-

*

ей задачей дать ихъ измѣнчивому содержанію неизмѣнное; посреди временнаго и случайнаго отыскать вѣчное и непреходящее и притомъ, — что главное — не черезъ посредство анализа этихъ фактовъ, а само изъ себя совершенно независимо отъ нихъ — путемъ чистой дедукціи. На такой задачѣ построена вся умозрительная философія, на предрѣшенной возможности такого дѣла выращенъ весь рядъ системъ идеалистической философіи. Мысль о возможности возвести условное къ безусловному, обнять измѣнчивое въ неизмѣнной формѣ чистой мысли — принималась, такимъ образомъ, какъ готовое, неоспоримое начало всеми философствовавшими. Можно было думать, что самая вѣрность исходнаго положенія могла быть доказана и оцѣнена только въ результатѣ всехъ дальнѣйшихъ построеній и трудовъ, въ концѣ историческаго хода работы, имѣя на лицо ея результаты и что пока шла эта работа и философія творила, до тѣхъ поръ рано было обращаться критически къ самому корню ея, потому что рѣшеніе, которое было бы дано такой критикой, положительное или отрицательное, не было бы ни опровергнуто, ни оправдано самымъ фактомъ, было бы, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе гадательно.

Но когда совершенъ уже въ извѣстной степени творческій процессъ, и наука описала извѣстный кругъ; тѣмъ болѣе когда въ концѣ такого процесса она не оправдала сама своихъ плодовъ, и не отказываясь отъ роли и значенія, отказалась отъ прочности истинъ, ею выработанныхъ; когда наконецъ въ самомъ творческомъ процессѣ ея оказалось уже извѣстное охлажденіе и усталость творческой силы, — когда-то юной и полной вѣры въ себя, — тогда становится понятно недовѣрчивое обращеніе къ ея корню и сомнѣнія въ прочности исходной гипотезы, опираясь на которую, она взращала свои труды.

Среди такого состоянія находится въ настоящее время идеалистическая философія. Поле ея, истощенное или нѣтъ, лишено плодовъ; частныя системы, выращенныя на этомъ полѣ,

разбиты ихъ собственными адептами. Ударъ общаго недовѣрія тяготѣеть надъ ея силами, и послѣднія попытки этихъ силъ подняться и дать отпоръ недовѣрью остаются крайне блѣдны; а напротивъ, все ближе и ближе подводятъ мысль къ отрицанію ея въ самомъ ея корнѣ—и произнесенію надъ ней рѣшительнаго слова. Время все ярче выставляетъ такіа требованія, которыя вызываютъ рѣшительную критику всякаго умозрительнаго приѣма, и которымъ врядъ ли въ состояніи отвѣтить какой бы то ни было идеализмъ.

Духъ анализа переполняетъ всѣ стремленія, и не отвлеченнаго анализа, а духъ анализа чисто-реальнаго. Съ одной стороны впереди всѣхъ задачъ стоитъ благосостояніе жизни, которое вѣкъ стремится добыть одинаково для всѣхъ, не стѣсняясь никакими старыми формами. Съ другою — личность, стремящаяся отстоять свои послѣднія прерогативы произвола, оставленныя ей исторіей въ частномъ быту. Общественныя сферы и общественные вопросы стягиваютъ къ себѣ весь круговоротъ жизни, всѣ ея духовныя и матеріальныя силы. Изыщная литература, науки опытыя, все стремится одинаково къ этой работѣ. Здѣсь централизуются всѣ сферы знаній и отсюда получаютъ свой характеръ реализма. Въ этомъ смыслѣ направляется отрицательная критика противъ умозрительныхъ системъ, какъ противъ всякаго идеализма.

Тѣмъ болѣе должна быть призвана къ суду такого реализма, та часть человѣческаго мышленія, которая непосредственно касается юридической или общественной сферы, и въ этомъ смыслѣ должна быть провѣрена та часть философіи, которая непосредственно сюда относится. Но здѣсь-то давно всего слабѣе оказывались труды идеалистической дѣятельности. На это были свои причины, лежавшія въ свойствѣ самаго фактическаго матеріала, который представляла здѣсь жизнь для философскаго изслѣдованія. Зыбкая, измѣнчивая природа этого матеріала ярче и скорѣе была способна вскрыть шаткость об-

шаго философскаго приѣма и коренной исходной гипотезы философіи. Объяснивъ теперь, какимъ образомъ это должно было произойти, мы увидимъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю несостоятельность умозрѣнія въ рѣшеніи основныхъ положеній права.

Какъ бы ни были отвлечены истины, которыхъ добивалась философія, міромъ ея изслѣдованія были всегда факты. Содержаніе ея дѣятельности опредѣлялось всегда міромъ вещей положительныхъ, она шла путемъ опыта и индукціи. До созерцанія и творчества чего либо, совершенно независимаго отъ міра, вращающагося кругомъ человѣка, до чистой дедукціи она доходить не могла. Весь діалектическій грузъ поднять ею изъ той же почвы, откуда брали свои положенія и науки точныя. Сама познавательная способность есть такой же продуктъ впечатлѣній того же видимаго міра, какъ и весь капиталъ этой способности—все ея званіе. Только на этомъ условіи была возможна какая нибудь связь между мышленіемъ и міромъ и какой нибудь интересъ мышленія для человѣка и чистая мысль сама себя обманывала, воображая, что творитъ свои положенія сама изъ себя.

Но міръ этотъ до крайности измѣнчивъ и условенъ. Онъ состоитъ весь изъ частныхъ, весь изъ отношеній и особенностей, съ уничтоженіемъ которыхъ въ немъ убываетъ полнота и жизнь, онъ начинаетъ блѣднѣть и пропадать въ нашемъ представленіи, — сводится все болѣе и болѣе на общія очертанія, среди которыхъ стирается мало по малу разнообразіе вещей, и самыя вещи исчезаютъ за отвлеченіемъ ихъ частныхъ признаковъ.

Человѣку дана сумма средствъ и способностей познавать и пользоваться этимъ міромъ во всей его жизненной полнотѣ. Съ уничтоженіемъ, отвлеченіемъ какой нибудь изъ данныхъ способностей, сокращается и эта полнота познания и всесторонность отношенія человѣка къ этому міру. Онъ можетъ видѣть, слышать, осязать, измѣнять и превращать предметы химичес-

ки, механически, помнить, представлять, воображать и т. д. Но вот человекъ теряетъ зрѣніе, и одна сторона міра, сторона красокъ свѣта или тѣни, для него пропадаетъ мгновенно. Отсюда полное сознаніе для него возможно только въ суммѣ всѣхъ его средствъ, то есть съ сохраненіемъ за міромъ полного насущнаго его разнообразія. Отсюда же, уединяя себя на которую нибудь изъ своихъ способностей, онъ поневолѣ ограничиваетъ себя одной какой либо стороной предметнаго міра; служитъ свой взглядъ и дѣлаетъ его одностороннимъ.

Если же мы допустимъ теперь, что чистая познавательная способность въ человекѣ или мысль есть такой же продуктъ внѣшней условной природы, какъ весь человекъ, всѣ его средства дѣятельныя и познавательныя, какъ зрѣніе, слухъ, воображеніе, память, — то мы должны признать, что эта познавательная способность чистаго мышленія должна имѣть свои опредѣленныя качества и способности, свои условныя, ограниченныя признаки, свои формы, отъ которыхъ она отрѣшиться не можетъ, не отказавшись отъ жизни и дѣятельности, — формы которыми она живетъ, дѣйствуетъ и относится къ природѣ и внѣшнему міру, точно также, какъ всѣ другія способности. Формы эти также точно опредѣленны и условны, какъ формы зрѣнія и слуха, которыя ограничиваются познаніемъ опредѣленной суммы цвѣтовъ и звуковъ, и ими долженъ быть опредѣленъ и ограниченъ порядокъ дѣйствій мыслящей способности. Все это конечно не слѣдуетъ еще вовсе понимать такъ, чтобы мыслительная способность была нѣчто реально-самостоятельное, органъ подобный глазу, способный воспринимать свои чистыя логическія формы, какъ глазъ воспринимаетъ цвѣта. Вся мыслительная способность въ сущности, можетъ быть, только результатъ суммы внѣшнихъ впечатлѣній и потому разсматривать ее какъ нѣчто особое индивидуальное, объективно самостоятельное отъ внѣшнихъ органовъ — какъ это дѣлали до сихъ поръ — отдѣлять ее и обособлять, принимать за нѣчто самостоятельное, мы можемъ